

Б.Н. Миронов

ЛОГИЧЕСКАЯ ИГРУШКА: ФАНТАЗИИ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

В статье проводится мысль о том, что историко-социологическое моделирование может быть важным инструментом анализа при двух условиях: модель и логика ее действия должны быть адекватно определены и опираться на действительные исторические и общественные закономерности, на твердую эмпирическую базу. Однако на современном уровне знаний, при дефиците источников построить адекватную и релевантную модель исторического развития России или любого другого сложного общества за длительный срок вряд ли возможно. Как показывает историография, историческое моделирование возможно и целесообразно для изучения отдельных простых явлений и процессов небольшой длительности.

Ключевые слова: *моделирование, Россия XIX–XX вв., национальный менталитет, модернизация, цикличность, типология социальных изменений.*

Keywords: *modeling, Russia in the 19 and 20th centuries, national mentality, modernization, cycles in history, typology of social changes.*

«Никакие теоретические доводы не могут перевесить фактологические суждения, корректно полученные на основе анализа данных. Скорее, теоретические положения бывают опровергнуты эмпирическими фактами».

(Розов 2010: 140).

Работа Н.С. Розова — как он сам себя позиционирует, «закоренелого теоретика в исторической макросоциологии, сторонника логического эмпиризма в версии К. Поппера и К. Гемпеля и методологии исследовательских программ И. Лакатоса» (Розов 2010: 140) — посвящена анализу ритмов в истории России за последние 200 лет, в XIX–XX вв., на основе

моделирования исторического процесса. В статье нет обоснования темы, постановки проблемы, объяснения цели и задач, историографии — тех элементов, наличие которых, по принятым стандартам, необходимо в большой проблемной статье и желательно для читателя. Последнему приходится читать статью, что называется, без компаса, что затрудняет понимание и без того сложного, длинного, многословного, местами неясного текста, насыщенного множеством графиков.

Тема «ритмы в истории» находится в русле исторической социологии. Однако использованная автором методология преимущественно математическая. Н.С. Розов строит больше десятка разнообразных абстрактных моделей — общества, причин социально-исторических явлений, циклического механизма и т. п. — совершенно произвольно, опираясь на им же принятые аксиомы; вводит в модели по своему усмотрению и без обоснования переменные; так же произвольно устанавливает условия для работы моделей и субъективно, без опоры на факты, анализирует, как они работают при заданных им условиях; наконец, делает выводы, которые могут иметь значение только в пределах его аксиоматики. Однако автор полагает, что он построил «каркас механизма, порождающего циклы» и объяснил найденный им циклический механизм российской истории.

С точки зрения социолога или историка, задача решена некорректно.

Во-первых. Самое важное в *социологическом* или *историческом* моделировании — построить абстрактно-теоретический образ объекта изучения таким образом, чтобы он отражал его коренную и качественную определенность, в обобщенном виде выражал основные черты, закономерности и особенности его функционирования. Иначе говоря, необходимо сконструировать такую сущностно-содержательную модель, которая адекватно отражает *реальное* в объекте изучения, потому что главная цель историко-социологического моделирования — раскрытие и анализ *реального* в изучаемом объекте (Ковальченко 1987: 357–367). Модели, построенные Н.С. Розовым, отражают не реально существовавший циклический механизм российского исторического процесса, а *произвольно сконструированный* автором механизм. Проще говоря, его модели выражают не то, что есть в реальности, а то, что хочется или кажется автору. Н.С. Розов действует как математик — строит модели, опираясь на им же принятые *аксиомы*. Так, Евклид положил в основу своей геометрии пять аксиом (сочетания, порядка, движения, непрерывности, параллельности) и создал евклидову геометрию. Н.И. Лобачевский заменил одну аксиому параллельности и создал другую геометрию. Г.Ф. Риман заменил все эвклидовы аксиомы и таким образом создал

третью геометрию. Но историческая социология — не математика. Социологические, а тем более исторические модели должны строиться не на произвольных аксиомах, а на реально существующих закономерностях, иначе модель не будет отражать сущности изучаемого объекта, не будет находиться с ним в отношениях замещения и сходства и, следовательно, не будет похожа на объект и не сможет его замещать.

Во-вторых. Любой научный анализ упрощает социальную реальность. Но Н.С. Розов превзошел возможный максимум редуцирования: общество он сводит к 3-факторной модели, национальный менталитет — к 4-факторной, поведение элиты — к 4-факторной модели и т. п. Вследствие этого его модели представляют жалкие тени реальных объектов. Социальная и политическая жизнь общества примитивизируется до уровня жизни общественных, или социальных, насекомых. Сложные и опосредованные связи между акторами исторического процесса упрощаются и редуцируются до простейших отношений, подобных тем, которые имеются в простейших механизмах. Между тем объектом изучения является не пчелиная или муравьиная семья и даже не общество эпохи дикости или варварства, а протоиндустриальное и индустриальное общество XIX—XX вв. со сложной социальной и политической структурой, развитой экономикой и тесными международными связями.

В-третьих. Когда Н.С. Розов пытается наполнить конкретным историческим содержанием свои модели, то он пользуется данными, которые либо устарели, либо неадекватны, либо произвольны и к тому же не имеют ссылок на источники. Здесь он, как и в случае с моделями, столь же субъективен. Вследствие этого никакого релевантного эмпирического заполнения его модели не имеют и провести их эмпирическую проверку невозможно.

В-четвертых. При построении своих моделей Н.С. Розов не учитывает историчности своего объекта — за последние двести лет российское общество, государство и политический процесс существенно или радикально трансформировались 5 раз: после Великих реформ 1860—1870-х гг., после 1905—1906 гг., после 1917 г., после 1953—1956 гг. и после перестройки 1980-х гг. Описывать одним уравнением или одной моделью двухсотлетнюю политическую историю модернизирующейся страны, на мой взгляд, некорректно. Политический процесс в первой половине XIX в. происходил принципиально по-иному, чем в начале XX в. или в советскую или постсоветскую эпохи.

Чтобы не быть голословным, рассмотрим некоторые построения Н.С. Розова.

Без всякого вступления Н.С. Розов начинает свою статью с постулирования модели циклического 5-тактового механизма российского ис-

торического процесса. Согласно ей, российская история якобы состоит из повторяющихся циклов, включающих пять последовательных фаз, или тактов: мобилизацию, стагнацию, кризис, либерализацию, авторитарный откат (рис. 1, с. 50). Кем и как построена эта модель, на основании каких данных — эти вопросы даже не обсуждаются. Модель постулирована, и точка. Читатель, знающий, что стандарты исследования требуют, чтобы важные тезисы в научной работе были обоснованы и верифицированы, будет буквально ошарашен.

Затем, также безо всяких пояснений (автор ссылается на свою работу, где также нет никакого обоснования), Н.С. Розов строит модель «фазовых переходов» в двухмерном «пространстве *государственный успех / свобода как защищенность и участие*». Почему в качестве координат пространства взяты только два параметра и почему именно государственный успех и свобода? Как автор понимает то и другое? Почему отсутствует эмпирическая и операционная интерпретация этих понятий, весьма непростых и спорных, толкуемых различно в разных социологических школах? На эти обязательные в историко-социологическом исследовании вопросы нет ответа. Однако Н.С. Розов анализирует модель так, будто она является эмпирически обоснованной и имеет какой-нибудь реальный смысл. Более того, забывая об абстрактной аксиоматичности своего построения, он, как оракул, выносит приговор российской истории: «Из относительно стабильного состояния с высоким или средним *государственным успехом* при низких значениях *свободы* идет движение к “неуспеху”, обычно объясняемое разложением элит, ростом коррупции, снижением отзывчивости власти к вызовам; возможно, здесь также играет роль рост демографического давления».

Ссылаясь на некое «*детальное*» (курсив наш — Б. М.) сопоставление явлений российской истории», которого, однако, нет в данной статье (нет и ссылки на какую-нибудь работу, где подобный анализ произведен), Н.С. Розов констатирует «отсутствие жесткой повторяющейся последовательности тактов, существенные различия их отдельных манифестаций по длительности, глубине и другим характеристикам, вариативность межтактовых переходов». Что же остается от 5-фазного цикла? «Регулярное появление самих тактов и нескольких паттернов (кризис → либерализация → откат; кризис → откат → мобилизация → стагнация и др.)». Что же здесь специфического для России? История любой страны развивается аналогичным циклическим образом, испытывая подъем и спад, мобилизацию и стагнацию, либерализацию и откат, т. е. торжество консервативных начал. Любой экономический цикл, по крайней мере, в XIX — первой половине XX в., протекает аналогичным образом. Есть короткие, средние и большие циклы, так называемые

циклы конъюнктуры Н.Д. Кондратьева. О том же говорят и теоретики модернизации. Развитие европейских стран в XIX—XX вв. (а это два века модернизации) протекало неустойчиво, было чревато сбоями и откатами. Периоды активной деятельности по изменению или совершенствованию социальных структур и институтов сменялись периодами стагнации или даже регресса (Побережников 2006: 91–95; Eisenstadt 1978; Grancelli 1995; Huntington 1968; 1976; Lerner, Coleman, Dore 1968: 386–409). Но Н.С. Розову почему-то кажется, что именно «в исторической динамике России» наблюдается «упорное появление одних и тех же тактов и паттернов», что, по его мнению, «свидетельствует о действии одного и того же воспроизводящегося глубинного социального механизма».

Затем следует каскад моделей, построенных в аксиоматическом стиле — «модель кольцевой динамики», «модель маятниковой динамики», «модель стратегии-следствия-ограничения» («упрощенная модель социального механизма, порождающего российские циклы»), «динамическая модель кольцевой динамики», «дискретная модель переключений переменных», «модель причин социально-исторических явлений», «модель динамики уровня свободы и уровня государственного успеха» в России за 200 лет.

Об эмпирической адекватности его моделей можно получить представление по тому, как Н.С. Розов решает принципиальный в его анализе вопрос — от чего зависел государственный успех в России. Отсутствует интерпретация ключевого понятия «государственный успех». В принятой им «упрощенной модели общества из структурно-демографической теории» — три актора: государство, элита и народ. Почему взята эта 3-факторная модель, ставящее российское общество с точки зрения организации ниже семьи муравьев? На каком основании русский народ оценивается как «либо смиренно несущий свое бремя, либо срывающийся к грабегам и бунтам»? Почему российская Элита представляется единой как будто это каста муравьев-солдат, в то время как она всегда разделялась на партии, клики и кланы, имевшие разные представления об оптимальной политике государства? Почему российский Правитель предстает всемогущим демиургом, каковым он никогда на самом деле не являлся?

Далее выдвигаются два условия для функционирования модели — *изменение ресурсного баланса и сила принуждения* со стороны Правителя, что превращает общество в стаю животных, руководимых вожаком и инстинктом самосохранения. Поведение Элиты регулируется тремя переменными — ответственностью, уровнем напряженности и тревожностью — в точности как у пчел или муравьев. Эмпирическая и операци-

онная интерпретация переменных отсутствует. Объяснение сложного поведения российской элиты XIX—XX вв. тремя переменными представляется недостаточным и субъективным, делает ее поведение нечеловечески примитивным. Непонятно, почему не принимаются во внимание форма правления, тип государственности, законы, внешнее окружение, международная обстановка, национальные интересы, мнение народа и другие переменные, влияющие на поведение Элиты, Народа и Правителя по крайней мере в не меньшей степени, чем те, которые взял Н.С. Розов? В России, между прочим, как и во всех европейских государствах Нового и Новейшего времени, общественное мнение всегда имело большое значение и оказывало влияние на поведение и элиты и правителя.

Столь же произвольно и априорно определяются основные связи между тремя переменными, регулируемыми, по мнению Н.С. Розова, поведение Элиты в условиях изменения Ресурсного баланса. «Принуждение вместе с ответственностью снижают тревожность», — утверждает автор. Психологи полагают, что принуждение и ответственность повышают тревожность. Принуждение повышает ответственность, — полагает Н.С. Розов. Однако принуждение может и понижать ее — все зависит от личности и ситуации. Автор полагает, что «принуждение» находится в обратном отношении к «свободе». Но принуждение может сочетаться со свободой, например, когда принуждение защищает свободу от посягательства на нее. Отсутствие ясной интерпретации этих понятий, как и всех других ключевых понятий, ставит читателя в тупик или оставляет в недоумении.

Построив график (рис. 6, с. 62), Н.С. Розов следит за поведением элиты, обусловленной уровнем ответственности, напряженности и тревожности, на отдельных фазах 5-фазного цикла в условиях изменяющегося Ресурсного баланса. Строго говоря, мы имеем не более чем гипотетическое поведение опрIMITИВИЗИРОВАННОЙ элиты в воображаемом пространстве 5-фазного цикла?! Однако забывая об абстрактной произвольности своих построений, Н.С. Розов провозглашает как открытие: в России «Ресурсный баланс вполне может считаться не только фактором, но и показателем “Государственного успеха” как одного из главных измерений феноменологии циклической динамики». На самом деле это — банальный тезис из области геополитики о важности ресурсов государства при проведении политики.

Затем Н.С. Розов строит еще один график (рис. 7, с. 63), накладывая динамику «Государственного успеха» на динамику «Свободы» на двухмерном графике за 200 лет, и получает, как он полагает, траекторию движения российского общества в рамках двухмерной модели «свобода-

успех» от правления Екатерины II (на самом деле с начала XIX в.) до наших дней. График, по его мнению, показывает, что в России уровень государственного успеха находится в обратном отношении к уровню свободы. Объединив выводы графиков 6 и 7, он заключает, что ресурсный баланс и государственный успех колеблются в противофазе с уровнем свободы, т. е. чем больше ресурсов и успехов у государства, тем меньше свободы у народа. Этот вывод, по его мнению, и составляет «каркас механизма, порождающего циклы».

График 7 — единственное эмпирическое построение во всей работе. На шкале абсцисс — годы, 1801–1981. На шкале ординат три значения: посередине 0, ниже 0 (–) 100, выше 0 (+) 100. На графике отображены две кривые, или два динамических ряда, — «уровень государственного успеха» и «уровень свободы». На кривых стоят 11 конкретных дат, которые призваны показать время смены фаз. Для того чтобы графически отобразить «успех» и «свободу» в динамике, необходимо определить их значения за разные годы. Н.С. Розов не приводит никаких данных об изменении значений переменных во времени. Получается, что график строится на основе скрытых от читателя *представлений* автора об изменении уровня государственного успеха и свободы в разные годы и царствования. Поэтому у читателя есть основания думать, что сделанный вывод о зависимости «успеха» от «свободы» не логически следует из графика, а график построен под представления автора, которые, на мой взгляд, весьма неясные, неверные, сомнительные или спорные, отдают публицистикой и литературщиной, о чем говорят и названия периодов, — дней Александровых прекрасное начало, николаевщина, сталинщина, оттепель, морозные 1970-е. На самом деле уровень свободы для широких слоев населения в царствование Александра I и Николая I не отличался сколько-нибудь существенно. Более того, при Николае были приняты меры по обузданию произвола помещиков в отношении крестьян, а в государственном управлении законы соблюдались в большей степени, чем при Александре. Реакция при Александре III поставлена в историографии под сомнение; его реформы не упраздняли реформ Александра II, а лишь корректировали их. А если говорить о свободе, то в царствование Александра III она не только не уменьшилась, а существенно возросла (Миронов 2003: 215–226).

Однако Н.С. Розов обсуждает график так, будто это не априорное построение, а корректная эмпирическая презентация российской истории. Кроме того, этот ключевой в работе график по существу никак не связан с предыдущим анализом. При наличии данных его легко можно построить и без десятка моделей, которыми заполнены предыдущие страницы текста. Но, вероятно, чтобы повысить научный статус графика-

ка, Н.С. Розов латентно подает дело так (во всяком случае, я так понял), будто график основан на предшествующем анализе и из него вытекает. Как бы то ни было, статью можно было начать и с этого графика 7, и читатель бы не заметил отсутствия большей части статьи.

Чтобы обогатить свой анализ, Н.С. Розов вводит в свою модель российского исторического процесса еще одну переменную — российский менталитет. Без обоснования и без интерпретации столь сложного понятия он сводит его к «четырем базовым архетипам»: (1) свое и чужое; (2) высшие идеалы и польза (выгода); (3) ближний круг и государство; (4) Россия и Запад. Называя архетипы фреймами, он, вероятно, хочет сказать, что именно эти характеристики национального менталитета являются ключевыми.

Рассуждения о национальном менталитете (это понятие сравнительно недавно заменило понятие «национальный характер») почти всегда носят спекулятивный характер, весьма субъективны, замутнены этническими стереотипами, а часто к ним просто сводятся, и содержат лишь крупинцы истины. Например, известный немецкий философ Г. фон Кайзерлинг в своем бестселлере 1930 г. так оценивал менталитет американцев (США): «Большинство американцев верят, что на первом месте стоят факты, а не их смысл, что главное значение имеют институты, а не живые люди. Следствием этого ошибочного понимания жизни являются полная опустошенность, истощение, образ жизни, присущий скорее насекомым, дефицит оригинальности и как равнодействующая всего этого — прогрессирующая утрата жизненных сил» (Кайзерлинг 2002: 445). Предсказание не сбылось, что предполагает, что этнический стереотип американца, артикулированный Кайзерлингом, неверен. А вот трактовка американского менталитета современными российскими специалистами в области этнопсихологии: идеализм, мессианизм и религиозность; культурная простота, доброжелательность, уверенность в себе, терпимость, чувство юмора, оптимизм, азарт, новаторство и вместе с тем любовь к традиции, патриотизм, самокритичность, свободолюбие, энергичность, трудолюбие, предприимчивость, инициатива, уважение собственности, высочайший уровень общественности (Воробьев, Иванова 1991: 191–204; Крашенинникова 2007: 247, 248, 344). И в том, и другом случае остается ощущение, что национальные характеристики подгонялись под априорные представления о США и американцах.

Вот заключение о французах, данное в начале XX в. известным французским ученым Г. Лебоном: «Свободная конкуренция, добровольные товарищества, личная инициатива — понятия, недоступные для нашего национального ума. Постоянный его идеал — получение жалованья под защитой начальства» (Лебон 1995а: 448). Лично мне оно напоминает

часто встречающийся в литературе этнический стереотип русских. Лебон, кстати, считал, что национальный характер не изменяется и что история народов и их политические учреждения являются следствием их характера. Вводя национальный менталитет в модель исторического процесса, Н.С. Розов, хочет он того или нет, в сущности разделяет эти положения Лебона. Однако как забавно сегодня читать: «Негр или японец могут получить сколько угодно дипломов, но никогда им не подняться до уровня обыкновенного европейца» (Лебон 1995б: 37). Предполагаю, что такой же будет судьба рассуждений Н.С. Розова о национальном менталитете россиян.

Н.С. Розов вступает на скользкий путь использования этнических стереотипов, не принимая во внимание неясность, нечеткость, сложность понятия «национальный менталитет», без учета историографии этой проблемы, и поэтому его интерпретации субъективны, необоснованны и вступают в противоречие с фактами. Объясняя специфику российского отношения к своим и чужим, Н.С. Розов приписывает россиянам ксенофобию, что выражается «в высоком уровне отвержения, непризнания чужого, в отказе чужому в праве на достоинство или даже на существование, либо в полном игнорировании и пренебрежении чужим». Многонациональная российская империя и СССР при ярко выраженной ксенофобии не могла просуществовать несколько столетий. Толерантность в межэтнических отношениях — характерная черта межнациональных отношений в России. Мнение о ксенофобии русских действительно имеет хождение в научной литературе, особенно русофобской направленности, и автор выбрал именно его, как кажется, только потому, что оно работает на его концепцию.

Вторая характеристика менталитета состоит в якобы склонности россиян либо к высоким идеалам, либо к «шкурной» пользе с «последующим радикальным разочарованием». Это означает, что россияне (русские, евреи, украинцы, чеченцы, татары, чукчи и т. д. — доля русских в населении страны до распада СССР была меньше половины) в фазах авторитарного отката и успешной мобилизации в массовом порядке следуют высшим идеалам и становятся идеалистами, а в фазах стагнации и кризиса, разочаровавшись в идеализме, также массово обращаются в прагматиков-шкурников; затем все повторяется снова и снова, и так двести с лишним лет подряд. Здесь, как говорится, комментарии излишни.

Третий параметр касается отношения к государству. По мнению Н.С. Розова, российская специфика здесь состоит в отчужденности элиты и народа от государства. Другими словами, автор утверждает, что в течение двухсот лет российские Правители были не легитимны. В по-

литическом смысле это нонсенс: нелегитимное господство и управление не могут долго существовать. Между тем династия Романовых правила более 300 лет, и советский режим прожил более 70 лет, и сейчас многие россияне ностальгируют по нему. В течение последних 200 лет Элита в отношении к государству была не однородной и амбивалентной, а народ в массе был лоялен к Правителю и даже почитал его. Так называемый «наивный монархизм» в советское и в досоветское время — тому доказательство. За исключением отдельных периодов, неудовлетворенность статусом России испытывало всегда меньшинство ее граждан. *Патерналистский* характер российской государственности — ее отличительная черта.

Предполагаю, что Н.С. Розову известны и другие этнические стереотипы относительно русских. Например, такой: «Характер русских чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую ответственность с христианским идеалом. <...> Умеренность, непритязательность и благоразумие характеризуют и русский народ, и русское общество. <...> Едва ли существовал и существует народ, способный вынести большую долю свободы, чем народ русский, и имеющий менее склонности злоупотреблять ею. <...> Русский народ и русское общество во всех слоях своих способно принять и выдержать всякую дозу свободы» (Данилевский 1991: 480, 487, 489, 491). Но автор выбрал тот стереотип, который соответствовал его представлениям, без всякого обсуждения и даже указания на другие варианты, как будто их не существует. У. Черчилль сказал: «Россия — это загадка, завернутая в секрет и окутанная тайной» (Крашенинникова 2007: 247). Наверное, это можно сказать о любом народе.

В случае с национальным менталитетом, как и при построении своих моделей, Н.С. Розов не учитывает его историчность. Между тем менталитет изменяется вместе с трансформациями общества, государства и политического процесса. Американский психоаналитик Д. Ранкур-Лаферьер в своем исследовании русской идентичности стержневой характеристикой русских считает якобы присущий им мазохизм. Однако он отмечает, что в последние 10–15 лет, в 1985–2000 гг., «мазохизм в России пошел на спад. <...> Возникающая рыночная экономика заставляет индивидуумов больше заботиться о личных интересах, а не подчинять себя интересам общества или коммуны. <...> Мазохизм является элементом русского характера. Последний претерпевает изменения в процессе исторического развития, зависит от принадлежности к тому или иному классу или полу, миграции, возникновения новых политических структур и т. д.» (Ранкур-Лаферьер 2003: 243–244; Стефаненко 1999: 245). Оставляя в стороне вопрос об адекватности применения по-

нения «мазохизм» к русским и понятия «национальный менталитет» к россиянам, обращаем внимание на признание психоаналитиком того факта, что важные перемены в национальном менталитете происходят в течение жизни одного поколения. Признание это очень важно, т. к. в психоанализе принято считать, что характер человека окончательно формируется в детстве и в последующие годы не изменяется, а если изменяется, то крайне незначительно и то при условии социальной и врачебной терапии. Н.С. Розов же принимает национальный менталитет неизменным в течение 200 лет.

Анализ автором влияния национального менталитета, столь элементарно и субъективно сконструированного, на поведение народа, элиты, правителей и на цикличность российского исторического процесса, может вызвать у читателя, на мой взгляд, только улыбку, как и вывод о том, что русский менталитет усугубляет цикличность российского исторического процесса.

Главный вывод статьи состоит в следующем. В тяжелые времена Правитель, Элита и Народ «вследствие менталитета и институтов» выбирают авторитарный стиль правления, что помогает выйти из кризиса. Вслед за кризисом наступает либеральный период, «оттепель», что порождает новый кризис. Новый кризис вновь приводит к усилению авторитаризма и консолидации общества и все повторяется вновь в течение 200 с лишним лет.

По иронии судьбы, вывод Н.С. Розова не нов, чтобы не сказать банален. История европейских стран в Новое и Новейшее время дает аналогичные примеры чередования либеральных и консервативных периодов. Во Франции реформы А.Р. Тюрго в 1770-е гг. сменились реакцией, продолжавшейся до Великой французской революции. После реставрации Бурбонов в 1814–1815 гг. на смену революционным преобразованиям пришла очередная реакция. Затем произошло еще три революции (1830, 1848 и 1870 гг.) и каждый раз политический курс в стране изменял знак. В США федералисты и республиканцы сменяли друг друга у кормила власти в 1789–1814 гг., демократы и виги в 1829–1860 гг., демократы и республиканцы с 1860 г. и до настоящего времени, вследствие чего прогрессивная эпоха сменялась консервативной, и наоборот (Согрин 2003: 47–48, 98–111). В Великобритании с конца XVIII в. курс политики изменялся вместе с приходом к власти поочередно вигов или тори, либералов или консерваторов, с начала XX в. лейбористов и консерваторов. Похожим образом изменялась внутренняя политика в Австро-Венгрии и Германии. Как показали исследования, на ранней стадии модернизации ее приостановка, сопровождаемая откатами или реакцией, является скорее правилом, чем исключением. Объясняется это тем,

что общество в целом к преобразованиям еще не готово, ввиду чего попытки продвижения вперед определяются усилиями отдельных интеллектуалов или монархов, обогнавших страну в своем развитии.

Откаты от курса реформ регулярно происходили и на поздних стадиях модернизации. Например, после многих лет успешного развития Германия и Австро-Венгрия вдруг сходили с колеи реформирования, модернизация делала консервативный вираж, а потом возвращалась в либеральное русло. Ш.Н. Эйзенштадт объясняет это фрагментацией общества и элит, отсутствием между ними консенсуса. Различные социальные группы, сохранившиеся от старого общества и возникшие в ходе модернизации, выдвигали противоречивые требования и разгоралась, говоря словами Т. Гоббса, война всех против всех, которая велась без всяких правил (Eisenstadt 1973: 52).

В период войны во всех воюющих странах, даже самых демократических — США, Великобритании, Франции, правительства, отвечая на вызовы войны, усиливают государственное вмешательство во все сферы жизни, ограничивают демократические и гражданские права, несмотря на сильное общественное недовольство и протесты. Ради победы они не останавливаются даже перед применением силы и подавляют всех тех, кто сопротивлялся. Если вспомнить, сколько войн вели все большие и малые государства, то неудивительно чередование периодов консервативных и либеральных в их истории.

Теоретики модернизации пришли к выводу, что нередко развитие институтов демократии и гражданского общества приходит в противоречие с процессом экономического реформирования. Демократия, вследствие популизма политиков, находящихся у власти, порождает инфляцию и рост цен, падение жизненного уровня широких слоев населения, несправедливое перераспределение собственности, выдвижение нуворишей и многие другие явления подобного рода. И тогда, ради успеха экономической модернизации, политическая модернизация притормаживается, что выглядит как откат от либеральных реформ. В некоторых случаях для обеспечения политической стабильности элита выбирает экстремальный вариант авторитаризма. «Фактически вся история модернизации показывала, что успешные экономические преобразования проводятся монархическими или авторитарными режимами. Демократия может сделать несколько успешных шагов, но затем под воздействием требований толпы, к тому же, как правило, еще и расколотой на отдельные группировки, имеющие собственные приоритеты, быстро скисает. В лучшем для экономики случае преобразования консервируются. В худшем — начинается быстрый регресс» (Травин, Маргария 2004: 91). Например, во Франции, Германии и Австро-Венг-

рии успешные преобразования были начаты верховной властью; везде периоды демократии оказывались связаны с катастрофическими инфляциями и началом деструктивных процессов в экономике (эпоха Великой французской революции; Германия после Первой мировой войны; Австрия, Венгрия и Польша после распада монархии Габсбургов; Россия сразу же после революции и до момента окончательного утверждения власти большевиков). Похожим образом развивались события в Испании, Португалии, странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Переход от либерализма к авторитаризму был чреват новыми потрясениями, потому что предпосылки для самоподдерживающего эволюционного развития до конца не сформировались, общество осталось уязвимым для революционных катаклизмов. Это случилось в условиях мирового кризиса в первой трети XX в., сформировавшего условия для так называемых фашистских революций (Стародубовская, Мау 2001: 82).

Почему Н.С. Розов не обратился к большой литературе по моделированию и по модернизации, где проблема цикличности широко обсуждается? Почему прошел мимо целого направления в социологии, изучающего социальные изменения, предметом которого как раз являются модели и факторы социальной динамики в обществе? Например, хорошо известна типология социальных изменений, разработанная У. Муром и поддержанная другими социологами (Moore 1974: 34–46; Штомпка 1996: 31–37). В ней выделяется 10 моделей социальных изменений, отличающихся разной конфигурацией, среди которых есть модель циклической безвекторной динамики, которой, по мнению Н.С. Розова, следует российская история. В рамках данной модели историческое развитие предстает в виде повторяющихся циклических колебаний. Эту модель использовали как отечественные (Н.Я. Данилевский, П.А. Сорокин, А.С. Ахиезер, Н.А. Гумилев), так и зарубежные авторы (О. Шпенглер, А. Тойнби). По мнению Ахиезера, взгляды которого близки Н.С. Розову, циклизм российской истории состоит в том, что общество якобы постоянно возвращается к исторически более ранним формам существования в силу недостаточного потенциала развития (Ахиезер 1997: 768–798; 1998: 428–437).

Для меня остается загадкой: стоило ли тратить так много усилий, чтобы доказать хорошо известное и каким образом некорректно выполненное исследование привело к хорошо известным в литературе выводам?

Н.С. Розов справедливо называет свои модели «логической игрушкой». Значение этой игрушки он видит в том, что она «обладает важным качеством. Когда такая простая модель построена, логика ее действия

определена, то ее уже можно изменять, усложнять, обогащать в самых разных направлениях». Он забывает назвать необходимые условия для успешной работы «игрушки» — модель и логика ее действия должны быть адекватно определены и эмпирически релевантны, т. е. должны опираться на действительные исторические и общественные закономерности и твердую эмпирическую базу. Без этого «игрушка» останется игрушкой. Однако на современном уровне знаний, при дефиците источников построить адекватную и релевантную модель исторического развития России или любого другого сложного общества за длительный срок вряд ли возможно. Как показал опыт, в том числе и данное исследование Н.С. Розова, пока историческое моделирование возможно и целесообразно для изучения отдельных простых явлений и процессов небольшой длительности. Но и в этом случае необходимо строить модели, основанные на реальных фактах, а не на фантазиях и аксиомах.

Литература

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): В 2 т. 2-е изд. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997, 1998. Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

Воробьев Г.Г., Иванова Е.Л. Некоторые аспекты американского национального характера // Американский характер: Очерки культуры США. М.: Наука, 1991.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

Кайзерлинг Г. фон. Америка: Заря нового мира / Пер. с нем. СПб.: С.-Петербургское философское общество, 2002.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987.

Крашенинникова В. Россия — Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М.: Издательство «Европа», 2007.

Лебон Г. Психология народов и масс / Пер. с фр. СПб.: Макет, 1995а.

Лебон Г. Психология социализма / Пер. с фр. СПб.: Макет, 1995б.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб.: Дм. Буланин, 2003. Т. 2.

Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: Теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006.

Ранкур-Лаферьер Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика: В поисках национальной идентичности / Пер. с англ. М.: Ладомир, 2003.

Розов Н.С. Продовольственный потенциал и ресурсный баланс в циклах русской истории: экосоциальные причины кризисов и революций // О причинах русской революции / Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков (ред.). М.: Издательство ЛКИ, 2010.

Согрин В.В. История США: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2003.

Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Дело, 2001.

Стефаненко Т. Этнопсихология: Учебник для ВУЗов по специальности «Психология». М.: Академический проект, 1999.

Травин Д., Маргария О. Европейская модернизация: В 2 кн. СПб.: Издательство АСТ, 2004. Т. 1.

Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с польск. М.: Аспект Пресс, 1996.

Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. New York: Wiley, 1973.

Eisenstadt S.N. Revolution and the Transformation of Societies. A Comparative Study of Civilizations. New York: Free Press, 1978.

Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995.

Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. Princeton: Princeton University Press, 1968.

Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader. Ed. by C.E. Black. New York; London: The Free Press, 1976.

Lerner D., Coleman J.S., Dore R.P. Modernization // International Encyclopedia of the Social Sciences: In 16 vols. / D.L. Sills (ed.). New York: The Macmillan Company & The Free Press, 1968.

Moore W.E. Social Change. Englewood Cliffs; New-York: Prentice Hall, 1974.